

ЭТЮД О «ВОСТОЧНОЙ» ОРИЕНТАЦИИ¹

A. H. СОРОКИН

Epitetas „rytų“, labai plačiai naudojamas apibrėžti Rytų Europos akmens amžiaus industrijas, liudija ne tik apie realų didelės grupės Vakarų ir Rytų Europos archeologinės medžiagos panašumą, bet ir apie silpną archeologijos teorinę bazę, konkrečios medžiagos prastą pažinimą ir nevykusius bandymus visa tai paslėpti už pseudomokslinės terminologijos. „Vakarų“ ir „rytų“ industrijų panašumas paaiškinamas išskirtinai pirmykščių gyventojų migracijomis.

Reikšminiai žodžiai: panašumo fenomenas, archeologijos terminijos problema, šiaurės elnių medžiotojų ūkinis-kultūrinis tipas, pleistocenas, akmens amžius, paleolitas, mezolitas, Europos priedėninė zona.

Being widely used to describe the East European Stone Age industries the epithet “eastern” testifies not only the actual resemblance of a great part of West and East European archaeological material but the weak theoretical basis of archaeology and bad knowledge of specific matter and poor attempts to hide all this under pseudo-scientific terminology too. Exclusively the migrations of primitive population could be the explanation for the similarity of “western” and “eastern” industries.

Keywords: The similarity phenomenon, the problem of archaeology terms, the cultural-economic type of reindeer hunters, the Pleistocene, the Stone Age, the Palaeolithic, the Mesolithic, European periglacial zone.

«Этот ряд очагов сохраняет традиционную ориентацию».

С. Ю. Лев. Из доклада «Очаги Зарайской стоянки» на заседании Отдела каменного века

ИА РАН 25.04.2002.

Анализ литературы показывает, что эпитет «восточный» стойко бытует для обозначения восточно–европейских индустрий эпохи каменного века. Характерно, что он «привязан» не только к финально–палеолитическим культурам аренсбург, лингби или федермессер (Кольцов, 1977, 1996; Кольцов, Жилин, 1999; Zhilin, 1999), но его же можно найти и в связке с верхнепалеолитическими культурами граветтом, ориньяком или селетом (Восточный граветт, 1998; Аникович, 1998; Сапожников, 2005) и даже среднепалеолитическим микокком (Колесник, 1998). Судя по широте использования, с которой он прилагается к самым разным по времени индустриям, технокомплексам и археологическим культурам, речь идет о некоем закономер-

ном явлении. Учитывая эту своеобразную массовость, попробуем разобраться с ролью «восточной» ориентации на имеющихся материалах.

Не берусь судить, кто первым и когда стал использовать этот эпитет, тем более что вводился он, судя по всему, не разово, то есть применительно к граветту в одно время, в отношении микокка – в другое, а федермессера и аренсбурга – в третье. Тем не менее, не будет большой ошибкой утверждать, что в 1990-е годы он использовался уже довольно широко, более того, стал практически обиходным. Учитывая, что с незапамятных времен русские исследователи были последовательными сторонниками французской периодизации каменного века, уместно

¹ Издание осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

было бы предположить, что его корни лежат еще в тех «пластах», где зарождалась российская археология. Действительно, первые отечественные палеолитические находки надо было с чем-то сравнивать. Исходя из авангардного развития в XVIII–XIX вв. французской школы палеолитоведения, вполне естественно предположить, что здесь как нельзя более кстати оказались французские материалы и схемы. Однако ориньяк, солютре, мадлен, азиль и тарденуаз «помещенные на русскую почву», должны были, разумеется, претерпеть известную трансформацию. Сказать, что эти индустрии присутствуют и в материалах Русской равнины, при том количестве данных, которое было, основания не хватало. Так, по видимому, и была подготовлена почва для эпитета «восточный». Вроде и граветт или азиль, но не совсем такие, как во Франции, а своеобразные. Этим нюансом и могло стать изобретение прилагательного, за которым скрывалось некое едва уловимое и мало объяснимое логически сходство восточно-европейских и западноевропейских материалов. Между тем, ни в XIX, ни в первой четверти XX вв., несмотря на широкое использование французской терминологии, изобретение этого термина все же не происходит. В этой связи достаточно вспомнить капитальные труды А. С. Уварова (1881) или В. А. Городцова (1905, 1923). Нет его и позднее у Г. А. Бонч-Осмоловского (1940) или П. П. Ефименко (1938, 1953). Более того, анализ фундаментальной монографии П. П. Ефименко – крупнейшего отечественного палеолитоведа и наиболее последовательного сторонника французской системы классификации (Ефименко, 1938) – показывает, что для него не только материалы, но и сама Европа была едина. Хоть он и упоминает четырежды словосочетание «восточная Европа» (с. 550, 593, 624, 625) и единственный раз «западная Европа» (с. 550), но во всех случаях пишет оба этих прилагательных со строчной буквы.

Нет эпитета «восточный» и в работах С. Н. Замятнина (1961), монографиях А. А. Формозова по проблемам этнокультурной истории каменного века (Формозов, 1959, 1977), Г. П. Гри-

горьева (1968) или Р. К. Римантене (1971) и даже томах серии «Археология СССР», посвященных палеолиту (1984) и мезолиту (1989). Тем не менее, термин «восточный граветт» в качестве противопоставления граветту Франции был предложен, как выясняется, Д. Гаррод еще в 1936 г. Правда, в русской литературе об этом стало известно значительно позднее (Синицын, 1997, с. 60; Амирханов, 1998, с. 16; Аникович, 1998, с. 37; Булочникова, 1998, с. 67).

По мнению Х. А. Амирханова, «это понятие возникло на самой высокой волне миграционистских построений Д. Гаррод» (Амирханов, 1998, с. 17). Более того, как оказалось, эпизодически эпитет употреблялся и отечественными исследователями, в том числе, упоминавшимся выше П. П. Ефименко, а также М. Д. Гвоздовер (Ефименко, 1956; Гвоздовер, 1958). Использовался, но до конца 1980-х гг. не вошел в обиход. Судя по всему, вторым своим рождением применительно к граветту (точнее, граветтёну) он обязан Г. П. Григорьеву (Григорьев, 1989; Амирханов, 1998, с. 19). Здесь, однако, следует заметить, что «как и в первый раз, в конце 1930-х годов... был продемонстрирован типичный пример того, когда понятие, претендующее на место научного термина, возникает прежде, чем его определение и ясность в отношении подразумеваемого под ним явления» (Амирханов, 1998, с. 19).

По мнению Х. А. Амирханова, «как бы ни сыпали «граветтами», «бареттами», «флешеттами» и т. д. для доказательства глубинной разнородности западного и восточного граветта, доказать всем этим можно лишь только то, что не требует дополнительных доказательств, а именно: что конкретные археологические культуры Западной Европы отличаются от конкретных культур Центральной и Восточной Европы» (курсив – Х. А.; Амирханов, 1998, с. 20). Он также полагает, что «понятие восточный граветт» не содержит смысла иного, чем обозначение граветтоидных памятников Центральной и Восточной Европы. Пользуясь выражением С. Н. Замятнина, это – наименование, подменяющее объяснение» (Амирханов, 1998, с. 32). Не

оставляет, однако, сомнение, что степень этой очевидности явно преувеличена. И если подобная разница столь ясна, то почему это граветт, хотя бы и «восточный», а не что-то иное?

В то же время М.В. Аникович считает, что «... сочетание в конкретных индустриях признаков, присущих разным технокомплексам, может обуславливаться разными причинами: культурным влиянием (взаимодействием разных археологических культур, принадлежащих разным технокомплексам) и культурной трансформацией («естественной сменой культурных традиций, в результате которой меняются не только отдельные типы, но и основные культурные характеристики»)» (Аникович, 1998, с. 38). При этом он забыл только одно, но существенное и не менее актуальное объяснение, которое заключается в более прозаичном – естественном смешении материалов.

Он полагает: «неправомерно ставить вопрос о происхождении граветтоидного технокомплекса «вообще»; эта проблема должна решаться отдельно не только для каждого региона (Западной, Центральной и Восточной Европы), но и для каждой конкретной археологической культуры» (Аникович, 1998, с. 38, 39). И далее: «вернемся к терминам «восточный граветт» и «восточный эпиграветт». Проведенный обзор показывает, что нет никакой необходимости пытаться определить эти термины на понятийном уровне: специфика восточноевропейских индустрий, содержащих острия и пластины с притупленным краем (в том числе и комплексов виллендорфско–костенковско-го типа) по отношению к западноевропейским прекрасно выражается через понятие «археологическая культура», а их известное сходство – через понятие «технокомплекс». Однако, в виду «живучести» этих терминов можно попытаться сохранить их как условные дефиниции, как эмпирические обобщения, – если только удастся определить их содержание таким образом, чтобы оно не было тавтологичным: не вполне перекрывалось бы выделяемыми АК и ТК» (Аникович, 1998, с. 63, 64). А вот здесь уже с ним совершенно нельзя согласиться, ибо если рассматривать по отдельности «каждую ножку сороконожки», то за частностями целое можно вообще не увидеть.

Полагаю, любое явление нужно выделять и оценивать по сути, иначе нет смысла в его вычленении. Актуален и другой аспект. Не скрывается ли за сходством малая вариабельность каменной техники? В ряде случаев, эта ее запрограммированность определяет малое разнообразие, допускает конвергентное возникновение сходных форм и продуцирует похожесть материалов. И отличить два этих явления – актуальная задача, стоящая перед исследователем. И никакие попытки уйти от этого, скрыться за терминами не прибавят ничего для постижения сути явления и, следовательно, решения проблемы.

Что касается эpipалеолита или мезолита Русской равнины, сходство этих материалов со свидерскими нашло сначала свое выражение в «свидерской стадии эpipалеолита Восточной Европы» (Воеводский, 1934, 1940, 1950). Затем, несколько позднее утверждения в советской литературе термина «мезолит» (Формозов, 1959, 1977), при характеристике самого туманного заключительного отрезка плейстоцена – финального палеолита незаметно внедрился и эпитет «восточный». Судя по всему, применительно к финально–палеолитическим комплексам, первым в отечественной литературе этот эпитет стал применять Л. В. Кольцов (1977). Главу 3 своей компиляции по финальному палеолиту и мезолиту Южной и Восточной Прибалтики о памятниках позднего мадлена он снабдил подзаголовком «восточный вариант культур федермессер» (Кольцов, 1977, с. 16). Здесь следует обратить внимание не столько на злосчастное прилагательное, сколько на множественное число, присвоенное культуре федермессер, что является явной ошибкой. Однако напрасно искать здесь какое-либо пояснение как самого эпитета «восточный», так и обоснование выделения нового варианта, а, тем более, нескольких культур федермессер.

В качестве основной территории «групп» федермессер (Кольцов, 1977, с. 16) он перечисляет Северо–Запад ФРГ, Голландию и Северную Бельгию. Кроме того «находки, близкие группам федермессер, известны с территории ГДР и Южной ФРГ» (там же) и в междуречье Одера и

Вислы (Польша). Эти последние он и объединяет в «восточный вариант культур федермессер» (Кольцов, 1977, с. 39), присоединяя к ним «ряд стоянок на территории СССР, например, типа Журавка». Заметив при этом, что «польские мадленские стоянки имеют только самые общие черты сходства с поселениями групп федермессер с территории ФРГ» (Кольцов, 1977, с. 39). Таким образом, судя по всему эпитет «восточный» они получили вследствие того, что находятся вне исконного ареала и за их опосредованную типологическую близость. Хотя, разумеется, никаких типологических штудий при этом реально проведено не было.

Интересно, что в той же компиляции и коморницкая культура обозначена как «восточный вариант культуры дуфензе» (Кольцов, 1977, с. 136). Ареал дуфензе – по Л. Кольцову – охватывает пространства от «Южной Англии до Одера», а варианта – локализован территорией современной Польши. Он полагает, что «обе этих культуры (? – А. С.) представляют собой единое целое» (Кольцов, 1977, с. 159). Однако, несмотря на это высказывание и фактически единую территорию, делает абсолютно алогичный вывод: «Следовательно, можно считать коморницкую культуру восточным вариантом культурной области дуфензе» (Кольцов, 1977, с. 159). Понять по тексту, чем «вариант» отличается от культуры дуфензе невозможно, так как эти сведения попросту отсутствуют. Не вызывает, однако, сомнения, что в обоих случаях речь идет не просто о вольном обращении с археологической таксономией, но и элементарном непонимании Л. В. Кольцовым дефиниций, которыми он оперирует. Так или иначе, но с некоторых пор словосочетания «восточный вариант культуры федермессер», «восточный федермессер», «восточный пост-лингби» или «восточный аренсбург» (Кольцов, 1977; Koltsov, Zhilin, 1999; Zhilin, 1995, 2005; Жилин, 2004) и вошли в обиход.

Между тем, если рассуждать логически, введение данного эпитета предполагает: раз есть «восточный», то неизбежно должен быть «западный», а, возможно, «северный» и даже «южный» варианты этих культур. На самом деле ничего

подобного в зарубежной литературе нет. Во всяком случае, никакая «восточная ориентация» индустрий, если исключить эпизод с «восточным граветтом» Д. Гаррод, там всерьез не обсуждается. Достаточно вспомнить капитальные труды по эпохе финального палеолита А. Руста (Rust, 1937), В. Тауте (Taute, 1968) или Г. Швабедиссена (Schwabedissen, 1954). Нет его и у крупнейших польских исследователей Р. Шильда (Shild, 1975), Я. Козловского и С. Козловского (Kozlowski J., Kozlowski S., 1975). Не использует его и украинский исследователь Л. Л. Зализняк (Зализняк, 1989; Залізник, 1999). Хотя все эти авторы, особенно Л. Л. Зализняк, и оперируют данными по памятникам Русской равнины, ни в одной из работ этого эпитета нет. Даже Р. К. Римантене в своем капитальном труде по финальному палеолиту, эпипалеолиту и мезолиту Литвы, говоря о мадленских стоянках региона, не использует географического принципа и не противопоставляет их специально западным материалам. Напротив она со всей определенностью говорит о мадленских памятниках на территории Литвы (Римантене, 1971). Попробуем определиться точнее, что же скрывается за вышеназванным термином?

В целях экономии места не будем рассматривать другие работы Л. В. Кольцова 1970–1980-х гг., но уместно совершить краткий экскурс в его, последние по времени, статьи. Так в одной из них он пишет: «мы (! – А. С.) предлагаем понимать под археологической культурой группу археологических памятников, обладающих культурным, хронологическим и территориальным единством» (Кольцов, 1996, с. 5). Изрекая эти откровения, Л. В. Кольцов забывает сослаться на работы своих предшественников А. Я. Брюсова, М. Е. Фосс и Н. Н. Гуриной, откуда он все это и переписал. С той лишь разницей, что они говорили не об аморфной «группе» неких памятников, а об этносах, материальным выражением которых служит эта дефиниция. Впрочем, в другой своей статье, он утверждает: «хотелось бы для начала напомнить, что за чисто гносеологическим понятием «археологическая культура» стоит определенный реальный этнос – реальные

группы людей, оставившие для археологов орудия труда и предметы быта в определенном наборе, живших на ограниченной хронологической отрезке в своеобразных экологических условиях» (Кольцов, 2002, с. 46). Не правда ли до боли знакомо?! И, опять же, без ссылок на предшественников, в том числе и Ю. Н. Захарука, первым отнесшим это понятие к категории гносеологических (Захарук, 1976). И далее: «понятие «археологическая культура» ... облегчает нам оперирование археологическим материалом, найденным при раскопках» (Кольцов, 1996, с. 5). Подобное утверждение, как и то, что «до него этой проблемой специально никто не занимался» (Кольцов, 2005, с. 46) или его слова: «оставившие для археологов...» ничего, кроме грустной улыбки, вызвать не могут.

Практика показывает, что основная масса археологических источников смешана и их синкретизм вызван натурацией (Сорокин, 2000, 2002), то есть является результатом глобального природного воздействия, а никак не продуктом аккультурации. То, с чем мы имеем дело, лишь в малой доле «дело рук человеческих». Это относится не только к археологическим культурам, но и тем комплексам, которыми мы оперируем, которые, прежде чем они станут гносеологической реальностью, надо «очищать» и «критиковать» (Клейн, 2004). Однако и докопавшись до творений человека, мы не выйдем на этнос не только в силу размытости самого этого понятия (Тишков, 2003), но и потому, что большинство вещей и в современном мире полиэтничны. Это не означает, что артефакты не содержат «этнической информации», она есть, но ее суть не лежит на поверхности. Она скрыта гораздо глубже, чем это виделось в 1950–1960-е годы и представляется до сих пор Л. В. Кольцову.

Идеи Л. В. Кольцова о «восточных индустриях» были подхвачены М. Г. Жилиным. Однако и в его статьях напрасно искать содержательного объяснения понятий «восточный вариант культуры федермессер», «восточный федермессер», «восточный пост-лингби» или «восточный аренсбург» (Жилин, 1996, 2004; Кольцов, Жилин, 1999; Zhilin,

1995, 2005; Koltsov, Zhilin, 1999). Не оставляет ощущение, что за терминологией скрыто не только незнание материала, но и неумение системного подхода к решению проблемы.

Со всей очевидностью берусь утверждать, что археологическая культура – это не средство, изобретенное для удобства археологов «оперирования археологическим материалом, найденным при раскопках» (Кольцов, 1996), а инструмент познания прошлой действительности. Это гносеологическая категория пространственно-временной связи ископаемых объектов (Сорокин, 2002). Следовательно, понятием «археологической культуры каменного века» закодированы, прежде всего, экономическая составляющая и хозяйственно-культурный тип древнего населения, находящие свое выражение в тех материальных остатках, которые изучаются методом археологии. Сходство индустрий и артефактов – объективное проявление традиций популяций в их постоянном процессе адаптации к изменяющимся экологическим условиям. Поэтому ареал археологической культуры каменного века – это «размах их пространственных колебаний в пределах кормовых территорий» (Сорокин, 2002, 2004). Отсюда памятники с остриями типа федермессер, где бы они ни встречались, – это и есть культура федермессер. А стоянки с лингбийскими наконечниками – это и есть памятники культуры Лингби вне зависимости от места их фиксации конкретным полевым исследователем. А также тех территориальных лакун, которые в силу разной изученности имеются на географической карте Европы. И все рассуждения про «восточные» варианты – это лишь словесная эквилибристика, за которой нет никакого реального содержания. Ибо все эти эпитеты и варианты совершенно не учитывают экологию, экономическую основу и образ жизни человека в эпоху каменного века. Фактически они отражают лишь схему ради схемы, классификацию ради классификации и не более того.

В настоящее время дефиниции французской школы палеолитоведения наиболее активно используются нашими украинскими коллегами А. Ф. Гореликом, Д. Ю. Нужным, Л. Л. Зализня-

ком, А. В. Колесником и другими. Например, И. В. Сапожников, рассматривая материалы степной зоны Украины, пишет, что «для позднего палеолита этой территории присущи ориньякоидный, граветтоидный и селетоидный технокомплексы» (Сапожников, 2005, с. 6). При этом в раннюю пору (около 32–22 тыс. лет ВР) «известны проявления ориньякоидного, граветтоидного и селетоидного технокомплексов» (Сапожников, 2005, с. 21). В среднюю пору верхнего палеолита (22 – 16,5 тыс. лет ВР), в ее начале «все без исключения комплексы являются ориньякоидными, точнее – эпиориньякскими» (Сапожников, 2005, с. 21), в середине «их специфика определена терминами граветтоидный эпиориньяк... и ориньякоидный эпиграветт» (Сапожников, 2005, с. 21). И на верхнем уровне «зафиксировано существование только эпиграветтских индустрий» (там же). А для заключительной поры верхнего палеолита региона (16,5–10,3 тыс. лет ВР), по его мнению, «характерно присутствие индустрий граветтоидного технокомплекса в эпиграветтском и финальноэпиграветтском проявлениях» (Сапожников, 2005, с. 21). Нет нужды цепляться к терминам и спрашивать: так «присущи ориньякоидный, граветтоидный и селетоидный технокомплексы» (Сапожников, 2005, с. 6) или «известны их проявления» (с. 21) и в каком соподчинении термин «проявление» находится с системой классификации и как он определяется? Нет необходимости задавать и другие вопросы, например, ориньякоидные или все же эпиориньякоидные комплексы характерны для начала средней поры, и в чем их принципиальное различие? Или чем отличается «граветтоидный эпиориньяк» от «ориньякоидного эпиграветта» (Сапожников, 2005, с. 21), если, по его утверждению, «они не содержат процентных показателей тех или иных групп орудий или изделий» (с. 6)? Важнее другое, как он объясняет сохранение столь длительное время на одной территории вышеуказанных традиций. Однако этот вопрос остается безответным.

Пытаясь оценить развитие во времени различных технокомплексов, И. В. Сапожников пишет,

что «на протяжении многих лет ... появление в регионе более или менее выразительных культурных явлений объяснялось миграциями населения» (Сапожников, 2005, с. 22). Однако, «здесь реально зафиксированы ... лишь миграция свидерского населения на территорию Крымского полуострова» да «переселение в Днепровское Надпорожье небольшой группы людей из Северо-Восточной Румынии» (Сапожников, 2005, с. 20), причем, «последнюю из них – как он полагает – пока еще трудно назвать настоящей массовой миграцией» (Сапожников, 2005, с. 22). Не совсем ясно, что скрыто за выражением «более или менее выразительные культурные явления» и почему массовые миграции являются «настоящими», а иные таковыми не являются? Он считает, что «в противном случае значительная часть древнейшей истории юга Восточной Европы может превратиться «в сложную и мозаичную картину» бесконечной цепи миграций, которая не поддается научному осмыслению» (Сапожников, 2005, с. 22). И утверждает, что «современный уровень знаний позволяет проследить на юге Восточной Европы вполне логичное существование генетической культурной последовательности (ориньяк – граветт – эпиориньяк – эпиграветт – финальный эпиграветт в разных вариантах), что допускает в принципе проживание в этом регионе на протяжении большей части позднего палеолита родственного населения близкого происхождения» (Сапожников, 2005, с. 22, 23). Если согласиться с ним, невольно возникает вопрос, что же было основой оседлого образа жизни населения степной зоны в верхнем и финальном палеолите? И не противоречит ли этому данные, приводимые самим И. В. Сапожниковым, о сезонности памятников региона (Сапожников, 2004, 2005)? Полагаю, что для вывода об оседлости верхне – и финальнопалеолитического населения степной зоны имеющихся данных недостаточно. Да и сведения по североамериканским индейцам – охотникам на бизонов, к которым он обращается, никак не свидетельствуют об этом. По-видимому, это просто неудачно высказанная мысль, ибо она противоречит тому, что им было написано о

степной природно-хозяйственной области (ПХО) в монографии, посвященной публикации материалов Большой Аккаржи (Сапожников, 2004), где недвусмысленно говорится о сезонной подвижности населения степной зоны. Более того, уверен, что миграционная гипотеза непротиворечиво увязывает воедино присутствие граветских, ориньских и селетских технокомплексов вне их исходной территории, наблюдения о сезонности памятников, приводимые И. В. Сапожниковым, и типологический состав археологического материала, которым он оперирует. Однако лишь в том случае, если под миграциями понимать не некие немотивированные «массовые» (по И. В. Сапожникову) переселения из одного места в другое, а сезонные возвратно-поступательные кочевья первобытного населения, ареал которых определяется маршрутами сезонных кочевий основных промысловых видов. Причем эти миграции далеко не обязательно ограничиваются конкретным, изучаемым полигоном. Это и позволяет сохранять длительное время традицию населения в пределах одной и той же экологической ниши, под которой нужно понимать не конкретный исследуемый участок, а всю степную зону. Более того, хорошо объясняет существование общностей на территориях, значительно превосходящих по площади, и изучаемый И. В. Сапожниковым полигон, и упомянутую зону.

Признавая право на существование точки зрения И. В. Сапожникова о существовании в регионе и степной зоне Украины ориньякоидных, эпиориньякоидных технокомплексов (ТК), граветтоидного эпиориньяка и ориньякоидного эпиграветта или селетоидной линии развития, хотелось бы, однако, получить ответ, за счет чего возникало и поддерживалось их внутреннее единство? Говоря иначе, чем объясняется сходство «западных» и «восточных» технологий, если уж использовать для этого географические дефиниции? И чем, как ни миграциями ориньякского, граветского или селетского населения объяснить появление в степной зоне Украины всех этих индустрий? В противном случае придется допустить их независимое возникновение и существование от носителей, иначе

говоря, технологий без людей. Уверен, технокомплексы и технологии не существуют сами по себе. В каменном веке не было иных способов передачи информации и технологий, кроме как от человека к человеку, путем наследования и передачи навыков или взаимодействия. Поэтому, установив где-то присутствие селета, ориньяка или граветта, мы обязаны допустить миграцию их носителей в конкретное изучаемое место, где эти технологии зафиксированы археологически. И мотивацией таких передвижений служит экология и «провоцируемая» ею та самая сезонная подвижность, о которой говорит И. В. Сапожников. Передача идей и технологий иным способом в это время просто невозможна. И наследовать что-то (посториньяк, постселет, постграветт, эпиориньяк, эписелет, эпиграветт и т. д., и т. п.) можно либо генетически, либо передачей навыков в единой среде, либо путем взаимодействия. В противном случае это не будет ни «пост», ни «эпи». А раз сходство есть, и оно недвусмысленно обозначено И. В. Сапожниковым терминологически, значит, следует признать и миграции носителей этих традиций, хотя бы в качестве «первотолчка». Этим и удобна теория археологических культур, ибо на уровне терминологии она лишена конкретной «технологической привязки», хотя и может фиксировать ее на уровне генезиса.

При всем примитивизме и малой вариативности каменной индустрии не вызывает сомнения, что в первобытную эпоху сходство не возникает само по себе, из ничего, и даже не материализуется из воздуха. Оно может «прийти» лишь с конкретными людьми – творцами конкретных технологий. И никак иначе.

Если согласиться с утверждением И. В. Сапожникова, что «около 13 тыс. лет тому назад значительная эпиграветтская культурная общность распалась, и на юге Восточной Европы до начала мезолита существовали два меньших массива населения, которые оставили памятники финально-эпиграветтских шан-кобинской и рогаликско-царинковской археологических культур» (Сапожников, 2005, с. 24), то снова возникает ряд вопросов. Например, что понимать

под термином «значительная общность»? И как определить размеры и содержание «меньших массивов населения»? Или, наконец, с каким из «меньших массивов» следует связать население свидерской культуры, явно не относящееся ни к шан-кобинской, ни к рогаликско-царинковской культурам. А, если это нечто иное, тогда, почему массивов только два, а не три? Не исключаю, что именно лакунарность наших знаний и слабость источниковедческой базы не позволяют пока выработать детальную и целостную историко-культурную картину. Остался нерешенным и «вечный» вопрос, чем объясняется присутствие на Крымском полуострове свидерских комплексов (Сапожников, 2005, с. 22)? Хотя автор и говорит, что «единственной миграцией, зафиксированной методами археологии... можно признать только появление свидерского населения в Крыму» (Сапожников, 2005, с. 23), на самом деле, эта гипотеза лишь частично объясняет реалии. Ибо, в свидерских крымских комплексах (Биби-ков, Станко, Коен, 1994) нет костных останков северного оленя – главного вида, на котором было специализировано свидерское население, то есть отсутствует главный мотив подобной миграции. Впрочем, что бы ни послужило конкретной причиной этой миграции, ее следует рассматривать не как спонтанное, немотивированное переселение, а как сезонные кочевья свидерского населения в процессе адаптации к новым объектам охоты. И только так. В противном случае не будет ни этих памятников, ни продолжения традиций данной индустрии.

На мой взгляд, миграционная гипотеза позволяет непротиворечиво увязать воедино присутствие граветских, оринькских, как и лингбийско–аренбургских технокомплексов вне их исходной территории. Она дает основание логически объяснить и сохранение традиций, и возникновение новаций, и их передачу. Более того, она отменно поддается научному осмыслению. Однако лишь в том случае, если под миграциями понимать не некие немотивированные «массовые» переселения из одного места в другое (Сапожников, 2005; Кольцов, 2005), а сезонные возвратно–поступательные кочевья

первобытного населения, ареал которых определяется маршрутами сезонных кочевий основных промысловых видов. Причем эти миграции далеко не обязательно ограничиваются конкретным, изучаемым полигоном. Территория археологической культуры шире ареала полевых исследований любого из археологов, а, в ряде случаев, не только речных бассейнов, но и современных государственных границ. Ибо закономерности, лежащие в основе первобытных обществ иные, чем у современных государств и интересов политиков. Миграции и сезонно–подвижный образ жизни позволяют сохранять длительное время традицию населения в пределах одной и той же экологической ниши. Более того, хорошо объясняют существование общностей на территориях, значительно превосходящих по площади, изучаемый каждым конкретным полевым исследователем полигон. Не побоюсь сказать: «Движение было смыслом их жизни!» Оно же определяло, в конечном счете, и «ареалы традиций», фиксируемых археологически.

Территория археологической культуры в каменном веке – это абстракция, гносеологическая категория, как и само понятие «археологическая культура» (Захарук, 1976), а не ареал с жесткими контролируруемыми границами. Ее нужно воспринимать лишь как географическое пространство, среду обитания, нишу, в пределах которой популяция жила по сезонному циклу. Население Восточной Европы в палеолите и мезолите было столь малочисленно, что весьма правдоподобной представляется ситуация, когда некая группа обитала на летней стоянке, зимнего стойбища не было, и наоборот. Фактически это «временная последовательность разных форм пространственной организации производственного коллектива». Из-за малочисленности групп охотников–собираателей контролю подчинялся лишь «кусочек» видимого пространства и не более того. Ни о каком контроле над территорией речи не может быть в принципе. Да и была ли, если вдуматься, реальная пересекаемость маршрутов?

Границы археологических культур финального палеолита и мезолита, следовательно, совпадают с ареалом годичных, хозяйственных

циклов. Фактически это размах пространственных колебаний популяции в пределах кормовой территории, который в целом никак не мог контролироваться и обороняться. Этого просто некому было делать. По этой же причине он не мог перекрываться ареалом другой популяции. Ибо население этого времени было чрезвычайно мало по сравнению с теми необъятными приледниковыми пространствами, которые им приходилось осваивать. И в случаях археологического совпадения ареалов разных культур речь скорее должна идти о последовательности событий, разновременности обитания, то есть, территориальном совпадении разведенных во времени событий. Из-за того, что ареал популяции мамонтов был одним, бизона – другим, а северного оленя – третьим и разными были их «пищевые» характеристики, территория хозяйственного освоения, которую должны были эксплуатировать разные группы первобытного населения, ориентированного на каждый из этого вида животных, тоже радикально отличались. Следовательно, та картина, которая фиксируется археологически, – это результат суммирования и наложения друг на друга изменявшихся во времени маршрутов кочевого населения. Фактически, это спрессованная во времени последовательность разновременных событий. А не отражение одновременной заселенности территории, одновременно бытовавших групп населения и параллельно существовавших разных типов памятников. Базовых и временных стоянок, охотничьих и рыбацких лагерей, мест забоя и разделки животных, мастерских и т. д., и т. п.

Это спроецированная на карту (фактически, на одну «европейскую плоскость») история реальных событий, происходивших с людьми в течение всего времени существования конкретных популяций, пока мы в состоянии проследить их признаки по конкретным материальным остаткам. Этим, по-видимому, и объясняется наложение ареалов синхронных культур, но у нас чрезвычайно мало данных для их строгого соотнесения. Разумеется, если население какой-либо культуры существовало длительное время, и за этот период происходило изменение климата,

ландшафтных зон или другие глобальные природные подвижки, то первоначальный ареал не будет совпадать с финальным. Но это абсолютно не значит, что в каждом конкретном случае речь должна идти о «суммировании территорий». Хотя, разумеется, проследить такой дрейф – задача архисложная.

Сказанное отнюдь не означает полную нивелировку коллекций всех памятников в пределах каждой из культур. Различия остаются, но разница в мерных признаках и особенности в стилистике обработки изделий на разных стоянках одной и той же культуры, разделенных многими сотнями километров друг от друга, не являются доказательством их разной культурной принадлежности. Более того, они легко объяснимы. Как это показал для северо-американских материалов канадский археолог и этнолог Брайен Гордон, долгое время живший среди индейцев-охотников на карибу, все эти показатели связаны по преимуществу с разной сезонностью памятников и их неодинаковой удаленностью от источников сырья. Различия между инвентарем «летних» и «зимних» стоянок столь существенны, что если не знать того факта, что все они оставлены одной и той же группой, а сравнивать между собой только каменный инвентарь, его можно было бы отнести к разным археологическим культурам (Gordon, 1997). Сюда же, к негативным факторам «культуроразличия» можно добавить, по-видимому, временные показатели и индивидуальные особенности производителей. Но главными, все же, являются два первых признака. Вот почему нет необходимости выделять отдельную подольскую (Синицына, 1996, 2000; Васильев и др., 2005) или красносельскую культуры (Залізняк, 1999) и связывать их происхождение с Бромме–Лингби. Ибо это и есть одно и то же «лингбийское» население, которое кочевало вслед за северным оленем по бескрайним просторам приледниковой зоны Европы в экологической нише финального плейстоцена. Говоря другими словами, различия в инвентаре «восточных» и «западных» памятников – это не что иное, как «изобретение» типолога. Это всего лишь неверная интерпрета-

ция наблюдаемого, которая зиждется на прямолинейном объяснении данных без учета удаленности от источников сырья, общего характера биологических ресурсов (экологической емкости ландшафта), сезонности памятников и навыков разных производителей. А отнюдь не реконструкция, базисом которой служат все эти особенности и сложная взаимозависимость «человек – природная среда».

Заселение новых территорий, освобождавшихся от ледника, не было авантюрой, случайным актом, а было процессом их хозяйственного освоения, являлось своего рода «заполнением пространства», «вживанием населения в территорию». Этот процесс осуществлялся людьми, хорошо адаптированными к условиям северных широт, и совершался он перманентно. Расширение географической емкости ландшафта происходило в ходе освобождения от влияния ледникового покрова приледниковых земель, и было объективным процессом общепланетарного масштаба. Человек был чрезвычайно слаб, чтобы влиять на ход климатических изменений. И если он хотел выжить, то был обязан приспособляться к любым изменениям среды. Это не значит, что адаптация была осознанной. Но те, кто выжили, на видовом уровне уловили и выработали нужные качества. Справедливо и то, что «заполнение ландшафта» осуществлялось не сразу, а через известный промежуток времени, лишь тогда и в той мере, когда и поскольку для этого созрели необходимые предпосылки. На сезонные передвижения людей этого времени, следовательно, нужно смотреть в контексте образа жизни первобытного населения и соответствующего ХКТ, например, для эпохи финального плейстоцена – охотников тундровой и зарождавшейся лесной зон. Миграции, при этом, следует рассматривать не как однонаправленное движение к Северу, а как возвратно–поступательные, челночные передвижения, подчиненные объективному годовому природному циклу и экологии главных промысловых видов. В конкретном случае – северного оленя. Система хозяйства, при которой в орбиту хозяйственной деятельности были вовлечены, удаленные на

значительное расстояние друг от друга участки территории Европы, и были жизненно необходимы длительные сезонные миграции, могла сложиться и существовать лишь при охоте на северного оленя. Для конкретной рассматриваемой территории – это конец плейстоцена, время финального палеолита. Ибо северный олень – это единственное животное Северной Европы, для которого длительные сезонные кочевья являются нормой, стереотипом поведения (Сыроечковский, 1986; Сейбутис, 1974, 1980; Крупные хищники..., 1978; Палеогеография Европы..., 1982; Динамика ландшафтных компонентов..., 2002). И если есть люди, которые способны на него охотиться, археологически может возникнуть «общность территорий», значительно удаленных друг от друга. Ибо охотники на северного оленя неизбежно будут совершать кочевья на значительные расстояния вслед за бесчисленными стадами северного оленя (Дзенискевич, 1987; Симченко, 1976; Сыроечковский, 1986) и неминуемо, следовательно, оставлять материальные признаки своего присутствия там.

В этой связи хочу в очередной раз обратить внимание на ошибочность традиционного графического обозначения миграций древнего населения стрелками. Ибо речь должна идти не столько о переселениях каких-либо популяций в каком-либо одном направлении, сколько о сезонных возвратно–поступательных миграциях населения, то есть, передвижении (перемещении) и обратном возвращении населения в исходную точку. Следовательно, верны не однонаправленные стрелки, а «челночные колебания». А общая поступательность перемещений, их вектор, обеспечивались экологией приледниковой зоны: постепенным расширением пространства и, следовательно, ойкумены за счет прогрессирующего уменьшения ледникового покрова. Если реконструкция хозяйственно–культурного типа для этого времени верна, условия хозяйства охотников на северного оленя могли существовать и реализовываться лишь в виде «челночных» возвратно–поступательных миграций. И никак иначе. Вот почему однона-

правленное графическое изображение передвижений первобытного населения формирует неточную и однобокую картину миграций в каменном веке. По сути: идет вразрез с историзмом. Ибо эти миграции не были ни массовыми, ни, тем более, потоками. Напротив, они были малочисленными и сезонными, а, главное, – возвратно–поступательными, то есть шли в обоих направлениях, подчиняясь биологическим законам поведения основных объектов охоты. Конечно, переселение людей на новые земли происходило и в финальном палеолите и в мезолите. Но не эти единичные переселения определяли суть миграций этих эпох, ибо для них было больше присуще не переселение людей на новые территории, а поэтапное освоение новых земель и расширение ойкумены путем сезонных, возвратно–поступательных миграций. При этом глобальные, положительные изменения природной среды в конце плейстоцена – начале голоцена неизбежно вели к расширению территории и создавали благоприятные возможности для ее освоения. Это не значит, что такие возможности постоянно реализовывались, а означает только одно, что возникала сама возможность их реализации.

В ряде случаев крайние точки ареала, фиксируемого памятниками археологии, – это и есть размах пространственных перемещений населения в пределах кормовых территорий. Малочисленность первобытных коллективов, живущих на краю ойкумены, и особенность хозяйственного цикла охотников на северного оленя определяли и образ их жизни. Из этого следует: когда северный олень был в теплое время года в тундре на пастбищах, это были северные, приледниковые территории, и все население было, вероятно, именно там. А в холодное время вслед за северным оленем группы населения откочевывали южнее, в том числе и на возвышенности Центральной России, где проще было перезимовать и оленям, и людям.

И только эволюция климата и палеосреды, резко изменившие картину мира, на которые впоследствии наслоились особенности новейшей политической истории, возведшие межго-

сударственные границы, привели к тому, что археологическая мозаика никак не хочет складываться в четкую и логически связную картину. Причем, сама эта картина все так и остается абстракцией в виде отдельных «территориально обособленных мазков», плохо связанных друг с другом, изученность которых зависит от количества исследователей и их финансовых возможностей.

Интересные наблюдения о передвижении охотников на северного оленя имеются у С. Н. Лисицина (Васильев и др., 2005). На основе западноевропейских данных он утверждает, что миграции этих популяций имели не широтный, а меридиональный характер. В основе его рассуждений лежат наблюдения за распределением памятников культуры федермессер. Не оспаривая конкретных археологических данных, следует заметить, что это высказывание не только не учитывает всю их совокупность, но и противоречит этнографическим наблюдениям. Так, Г. И. Дзенискевич, Ю. Б. Симченко и Е. Е. Сыроечковский приводят достоверные сведения, что передвижения северного оленя были значительно сложнее и сочетали широтные и меридиональные векторы движения, напоминая скорее «горизонтально лежащие восьмерки» (знак бесконечности). Аналогичными были и маршруты этнографических охотников на оленей. Таким образом, С. Н. Лисицын возводит в абсолют единичное наблюдение, точнее не встраивает локальные данные в систему. И в этом его ошибка. Система же предполагает определенную и достаточно обширную территорию и включение в ареал не только «западных», но и «восточных» памятников.

Возможно, затронутый в статье вопрос о «восточной ориентации» покажется несвоевременным и неактуальным. Позволю себе не согласиться с этим. В литературе так много всевозможных, но бессодержательных штампов и высокопарных рассуждений, что попросту утеряна суть самих понятий. В том числе и таких основополагающих, как археологическая культура или технокомплекс. Не вызывает сомнения, что на место «взаимодействия и взаимовлияния культур», «контактных зон индустрий», «парал-

лельного существования разных линий развития» и т. д. должна прийти трезвая оценка стандартных археологических понятий и определение их реального содержания. Попытку в этом направлении и представляет собой данная статья.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А.**, 1998 – Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы // Восточный граветт. М.: «Научный мир». 1998. С. 15–34.
- Аникович М. В.**, 1998 – Днепро–Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М.: «Научный мир». 1998. С. 35–66.
- Археология СССР**, 1984 – Палеолит СССР. М. 1984.
- Археология СССР**, 1989 – Мезолит СССР. М. 1989.
- Бибиков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю.**, 1994 – Финальный палеолит и мезолит горного Крыма. Одесса: Весть. 1994.
- Бонч-Осмоловский Г. А.**, 1940 – Грот Киик–Коба. М., Л. 1940.
- Булочникова Е. В.**, 1998 – Вчера и сегодня понятия «восточный граветтен» // Восточный граветт. М.: «Научный мир». 1998. С. 67–72.
- Васильев С. А., Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Лисицын С. Н., Синицына Г. В.**, 2005 – Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб., 2005.
- Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130000 лет.** Атлас–монография под ред. А. А. Величко. М. «ГЕОС», 2002.
- Воеводский М. В.**, 1934 – К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы // Труды 2 Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып. 5. М. 1934.
- Воеводский М. В.**, 1940 – К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе // СА. Вып. V. 1940.
- Воеводский М. В.**, 1950 – Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950. С. 96–119.
- Восточный граветт**, 1998 – М.: «Научный мир». 1998. 332 с.
- Гвоздовер М. Д.**, 1958 – Авдеевская стоянка и ее место среди памятников позднего палеолита // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1958.
- Городцов В. А.**, 1905 – Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки // Труды 12 Археологического съезда. Т. 1. М. 1905.
- Городцов В. А.**, 1923 – Археология. Т. I: Каменный период. М., Пг. 1923.
- Григорьев Г. П.**, 1968 – Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л. 1968.
- Григорьев Г. П.**, 1998 – Отношение восточного граветтена к Западу // Восточный граветт. М.: «Научный мир». 1998. С. 73–80.
- Дзенискевич Г. И.**, 1987 – Атапаски Аляски. Л. 1987.
- Ефименко П. П.**, 1938 – Первобытное общество. М. 1938.
- Ефименко П. П.**, 1953 – Костенки I. М. 1953.
- Ефименко П. П.**, 1956 – К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы // СА. Вып. 26. 1956. С. 28–53.
- Жилин М. Г.**, 2004 – Мезолит Волго–Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М.: Научный мир. 2004.
- Захарук Ю. Н.**, 1976 – Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М. 1976. С. 3–10.
- Зализняк Л. Л.**, 1989 – Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев. Изд-во «Наукова думка». 1989.
- Зализняк Л. Л.**, 1999 – Финальный палеолит північного заходу Східної Європи. Київ. Изд-во «НаУКМА». 1999. 283 с.
- Замятнин С. Н.**, 1961 – Очерки по палеолиту. Л. 1961.
- Квасов Д. Д.**, 1975 – Приледниковые озера и внутренние моря Восточной Европы. Л.: Наука. 1975.
- Клейн Л. С.**, 2004 – Введение в теоретическую археологию. СПб. 2004.
- Колесник А. В.**, 1999 – «Восточный микок» – миф или реальность? // Археологический альманах № 8. Донецк, 1999. С. 37–50.
- Кольцов Л. В.**, 1977 – Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука. 1977.
- Кольцов Л. В.**, 1996 – Некоторые аспекты изучения археологических культур // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 5–8.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г.**, 1999 – Мезолит Волго–Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М.: Наука. 1999.

- Кольцов Л. В.**, 2002 – Формирование мезолитических культур Северной Евразии // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 46–53.
- Кольцов Л. В.**, 2005 – Формирование мезолитических культур Северной Европы // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2005. С. 46–53.
- Крупные хищники и копытные звери.** М. 1978.
- Палеогеография Европы** за последние 100 тысяч лет. Атлас–монография. М.: Наука 1982.
- Римантене Р. К.**, 1971 – Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
- Сапожников И. В.**, 2004 – Большая Аккаржа. Киев. 2004.
- Сапожников И. В.**, 2005 – «Пізній палеоліт степів південного заходу України: хронологія, періодизація і господарство // Автореф. дис. ... док. ист. наук. Київ: ИА НАНУ. 2005.
- Сейбутис А. А.**, 1974 – Палеогеография, топонимика и этногенез // Известия АН СССР. Серия географическая. № 6. М. 1974. С. 40–53.
- Сейбутис А. А.**, 1980 – Проблема этногенеза балтов и славян в свете палеогеографии // Природа. № 11. 1980. С. 78–85.
- Симченко Ю. Б.**, 1976 – Культура охотников на оленей Северной Евразии. М. 1976.
- Сыроечковский Е. Е.**, 1986 – Северный олень. М. 1986.
- Синицын А. А.**, 1997 – «Западный граветт» Восточной Европы // «Восточный граветт». Тезисы докладов международного коллоквиума (Зарайск–Москва, 1–7 сентября 1997). М. 1997. С. 60–63.
- Синицын А. А.**, 1997 – Хронология Восточного граветта // «Восточный граветт». Тезисы докладов международного коллоквиума (Зарайск–Москва, 1–7 сентября 1997). М. 1997. С. 63–66.
- Синицына Г. В.**, 1996 – Исследование финально-палеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб. 1996.
- Синицына Г. В.**, 2000 – Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // ТАС. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000.
- Сорокин А. Н.**, 2000 – Парадоксы источниковедения мезолита Восточной Европы // ТАС. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000. С. 37–48.
- Сорокин А. Н.**, 2002 – Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука. 2002.
- Сорокин А. Н.**, 2004 – Диалог о генезисе культуры кунда // РА. № 3. 2004.
- Сорокин А. Н.**, 2004 – Мезолит Волго–Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. М. 2004.
- Сыроечковский Е. Е.**, 1986 – Северный олень. М. 1986.
- Тишков В. А.**, 2003 – Реквием по этносу. М.: Наука. 2003.
- Уваров А. С.**, 1881 – Археология России. Каменный период. М. 1881.
- Формозов А. А.**, 1959 – Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.: Наука. 1959.
- Формозов А. А.**, 1977 – Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.: Наука. 1977.
- Gordon B.**, 1997 – The Enigma of the Far Northeast European Mesolithic: Reindeer Herd Followers or Semi-sedentary Hunters? Toronto. 1997.
- Koltsov L. V., Zhilin M. G.**, 1999 – Tanged points cultures in the upper Volga Basin // S. Kozłowski (ed.). Tanged Points cultures in Europe. Lublin. 1999.
- Kozłowski J. K., Kozłowski S. K.**, 1975 – Pradzieje Europy od XL do IV tysiaclecia p. n. e. Warszawa. 1975.
- Rust A.**, 1937 – Das Altsteinzeitliche Rentierjager lager Meindorf. Neeimunster. 1937.
- Schwabedissen H.**, 1954 – Die Federmesser–Gruppen des nordwesteuropaischen Flachlands. Neumunster. 1954.
- Shild R.**, 1975 – Pozny paleolit // Prahistoria ziem Polskich. Paleolit i mezolit. Wroclaw. 1975.
- Sorokin A. N.**, 1999 – On the problem of influence of Volga–Oka Mesolithic to the origine of Kunda culture // L'Europe des derniers chasseurs: epipaleolithique et mesolithique. Actes du 5-e colloque international UISPP, commission XII, Grenoble, 18–23 septembre 1995. Paris; Editions du CTHS. 1999.
- Taute W.**, 1968 – Die Stielspitzen–Gruppen in Nordlichen Mitteleuropa. Koln. 1968.
- Zhilin M. G.**, 1996 – The Western Part of Russia in the Late Palaeolithic – early Mesolithic // L. Larson (ed). The Earliest Settlement of Scandinavia. Acta Archaeologies Lundensia. 1996. 80:# 24. P. 273–284.
- Zhilin M. G.**, 1999 – New mesolithic peat sites on the upper Volga // In. S. Kozłowski et al.(ed). Tanged points cultures in Europe. Lublin. 1999.
- Zhilin M. G.**, 2005 – The terminal Palaeolithic – early Mesolithic on the Upper Volga and colonization of the northwest of Eastern Europe // Pioneer settlements and colonization processes in the Barents region / Ed/ H. Knutsson. Vuollerim Papers on Hunter-gatherer Archaeology. Volume 1. Vuollerim. 2005.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии РАН

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РА – Российская археология

СА – Советская археология

ТАС – Тверской археологический сборник

Труды ГИМ – Труды Государственного исторического музея

ETIUDAS APIE „RYTŲ“ ORIENTACIJĄ

A. N. Sorokinas

Santrauka

Epitetas „rytų“ labai plačiai vartojamas apibrėžti Rytų Europos akmens amžiaus industrijas. Sprendžiant pagal tai, kaip šis terminas siejamas su pačiomis įvairiausiomis laiko atžvilgiu industrijomis, technokompleksais ir archeologijos kultūromis, reikėtų kalbėti apie dėsninę reiškinį. Sunku pasakyti, kas ir kada jį pirmas pavartojo, tačiau 20 amžiaus 10-ajame dešimtmetyje jis tapo įprastas. Duomenų analizė akivaizdžiai patvirtina, kad šis terminas liudija ne tik apie realų didelės grupės Vakarų ir Rytų Europos archeologinės medžiagos panašumą, bet ir apie menką archeologijos teorinę bazę, konkrečios medžiagos prastą pažinimą ir nevykusius bandymus visa tai paslėpti už pseudomokslinės terminologijos.

Technokompleksai ir technologijos neegzistuoja patys savaime. Akmens amžiuje nebuvo kitokių informacijos ir technologijos perdavimo būdų, tik žmogaus žmogui, sekimo keliu ir tiesioginiu įgūdžių perdavimu. Todėl kažkur nustatę buvus Seletą, Orinjaką ar Gravetą, Federmeserį, Liungbiu ar Arensburgą, mes privalome iškelti hipotezę apie šių kultūros tradicijų perdavėjų migraciją į konkrečią tyrinėjamą vietovę, kur šios technologijos buvo užfiksuotos archeologinių tyrimų metu. Kitu būdu idėjų ir technologijų tuo metu perduoti nebuvo įmanoma. „Vakarų“ ir „rytų“ industrijų panašumas, jeigu jau vartosime šį geografinį apibrėžimą, paaiškinamas išskirtinai pirmykščių gyventojų migracijomis. Kitaip reikės iškelti hipotezę, kad idėjos ir

technologijos gali atsirasti ir gyvuoti nepriklausomai nuo perdavėjų, tai yra technologijos be žmonių. Galima pavienių dirbinių arba apdirbimo technikos būdų konvergencija. Tačiau netgi atsižvelgiant į visą akmens apdirbimo technikos pirmykštės visuomenės epochoje primityvumą ir santykinai nedidelę įvairovę industrijų panašumas neatsiranda savaime. Jis gali „ateiti“ tik kartu su konkrečiais žmonėmis – konkrečių technologijų kūrėjais ir perdavėjais. Kiekybinių požymių skirtumai, „plaukiojanti“ artefaktų tipologinė sudėtis ir dirbinių stiliaus ypatybės tos pačios kultūros „rytinėse“ ir „vakarinėse“ stovyklavietėse, kurias vieną nuo kitos skyrė keli šimtai kilometrų, gali būti sąlygoti paminklų sezoniškumo, jų funkcinės specializacijos ir netgi nutolimo nuo žaliavos šaltinių. Todėl šie požymiai nėra stovyklaviečių skirtingos kultūrinės priklausomybės („rytų orientacijos“) įrodymai.

Migracijos yra variklis. Tai jos leido gyventojams ilgą laiką išsaugoti tradicijas visoje prielaidinėje Europoje. Dar daugiau, jos gerai paaiškina bendrijų egzistavimą teritorijose, žymiai platesnėse nei konkrečios tyrinėtą lauko tyrimų poligonas, ir apibrėžia „tradicijų arealus“, archeologiškai nustatytus ir Europos vakaruose, ir Europos rytuose. Šiaurės elnių medžiotojų ūkinis - kultūrinis tipas leidžia praktiškai pritaikyti „panašumo mechanizmą“ ir yra „raktas“, padedantis jį atskleisti. Tai suteikia pagrindą panaikinti „rytų orientacijos“ problemą archeologijoje.

Iš rusų kalbos vertė Tomas Ostrauskas